

«ЭТО СВЯТОЕ МЕСТО / ПОТОМУ ЧТО ТУТ / БЫЛИ СВЯТЫЕ ДЕТИ»: РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ МЕМОРИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В БЕСЛАНЕ¹

К. П. Трофимова

Москва, Россия

А. Б. Юдкина

Тула, Москва

В основе данной статьи лежат материалы исследования, проведенного в августе 2014 г. в Республике Северная Осетия-Алания. В ходе этой экспедиции мы изучали этнические и религиозные аспекты сохранения памяти о жертвах террористических актов и военных конфликтов, равно как и о самих событиях, произошедших в данной республике, а также в соседней Ингушетии за последние 20 лет. Безусловно самой страшной трагедией в Северной Осетии за этот период является захват заложников в школе № 1 г. Беслана. Тогда 1 сентября 2004 г. во время праздничной линейки в заложниках оказались 1128 человек – детей, родителей и сотрудников школы. 3 сентября федеральными силами был начат штурм и операция по освобождению заложников. В результате теракта погибли 335 человек, в том числе 186 детей, а также 10 бойцов Центра специального назначения ФСБ и 2 сотрудника МЧС. В дальнейшем данное событие и последствия, которые оно повлекло, стали предметом изучения и анализа многих дисциплин: социологии², психологии, филологии, политологии, юриспруденции, эпидемиологии и т. д. В данной статье мы касаемся изучения религиозного аспекта мемориальных практик в самом Беслане³.

¹ Исследование выполнено за счет грантов Российского гуманитарного научного фонда: проект № 14-01-18094 «Мемориализация военных конфликтов и террористических актов на Северном Кавказе: этнический и конфессиональный аспекты»; проект № 15-01-18118 «Мемориализация военных конфликтов и террористических актов на Северном Кавказе».

² Дзуцев, Х. В. Беслан после 1–3 сентября 2004 г.: социологический анализ / Х. В. Дзуцев. – М.: Российск. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2008.

³ О мемориализации трагедии в Москве: Юдкина, А. Б. Мемориализация Бесланской трагедии / А. Б. Юдкина // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 2. – С. 48–61.

Мемориальный ландшафт

Уже на следующий день после трагедии к школе стали стекаться сотни людей для того, чтобы почтить память погибших. В спортзале, где удерживалось большинство заложников, внутри и снаружи стихийно сооружался мемориал: ученические стулья служили подставками для живых цветов и открытых бутылок с питьевой водой – для символического утоления жажды, поскольку заложникам не давали пить. По воспоминаниям очевидцев пространством выражения скорби с первых же дней были и другие помещения пострадавшего здания, о чем свидетельствуют многочисленные надписи на стенах коридоров и классов, столовой, к настоящему времени местами выцветшие и сохранившиеся лишь частично.

В течение последующих десяти лет, параллельно процессу оттаивания формального права на существование для того, что осталось от школы после штурма, импровизированный мемориал школы № 1 видоизменялся, пока не принял свой настоящий облик.

На данном этапе территория школы является центральным, но вместе с тем не единственным локусом памяти в Беслане. В ходе последних лет оформляется кладбище, носящее сейчас название «Города ангелов», на котором было похоронено большинство жертв трагедии – 266 человек. Все надгробия здесь выполнены в едином стиле, однако у представителей разных конфессий, а именно – христиан и мусульман, они повернуты в противоположные стороны. Один из ключевых элементов оформления некрополя – монумент «Дерево скорби» – был установлен в 2005 г. в преддверии первой годовщины трагедии. Помимо него на территории кладбища расположен хачкар как дар от детей Армении, а также памятник бойцам спецназа ФСБ и спасателям МЧС, которые погибли в ходе спасательной операции. В течение десяти лет мемориальный ландшафт расширялся, включая в себя новые локусы. Так, в самом центре Беслана с 2011 г. возвышается мемориальная композиция «Добрый Ангел Мира», а рядом, в небольшом сквере посажено Дерево жизни, землю для которого собирали в ходе акции «Ради жизни» в рамках трансконтинентального автопробега «Владивосток-Москва» одной из известной российской радиостанции. Для учеников школы № 1 была построена новая школа, в которой расположен музей, посвященный памяти жертв

теракта, в том числе спасателей, именами которых названы классы. Спустя 10 лет, в мае 2014 г. напротив некрополя была разбита памятная роща («Парк ангелов»), где добровольцы высадили саженцы деревьев по числу погибших в сентябрьской трагедии.

За эти десять лет как здание школы, так и некрополь, будучи местами памяти о страшном событии, памяти, которая простирается за пределы локального сообщества, превратились в локусы регулярного «светского паломничества»¹. Наряду с ежегодными регламентированными гражданскими и церковными панихидами, обрядами, отправляемыми в дни поминовения усопших, а также частными коммеморациями, совершаемыми родственниками погибших, память о событии и умерших постоянно поддерживается действиями многочисленных «паломников» из городов России и разных стран мира на протяжении всего календарного года.

Места паломничества, какие бы мы ни рассматривали, обладают собственной спецификой, создают нарратив(ы), который или которые определяют в общих чертах характер отправляемых там практик. В случае с Бесланом в основе такого рода нарратива лежит сам характер события – террористический акт, который повлек за собой смерть безоружных людей, среди которых большинство – дети. Значимую роль в формировании нарратива здесь играет и продолжительность события: в течение трех дней заложники содержались в тяжелейших условиях и подвергались мучениям. Мы полагаем, что данные обстоятельства обусловили создание нарратива «мученичества», который проявляет себя в совокупности совершаемых посетителями мемориала практик.

Вместе с тем тот феномен, о котором пойдет речь в данной работе, является примером гибридного символического пространства, гибридных практик, где крайне размыты границы стихийности и официальности, локальности и универсальности.

Будучи открытым для множественных форм выражения скорби, сопереживания, демонстрации гражданской, политической позиции, коммуникации с иным миром и т. д., символическое пространство мемориала, включающее в себя пространство смерти,

¹ *Margry, P. J. Secular Pilgrimage: A Contradiction in Terms? / P. J. Margry // Shrines and Pilgrimage in the Modern World. New Itineraries into the Sacred. Peter Jan Mergry [ed.]. – Amsterdam University Press, 2008.*

является ареной репрезентации различных дискурсов, как светских, так и религиозных, их сосуществования, а также состязания. Таким образом, мы предполагаем, что мемориалы в Беслане могут представлять собой пример гетеротопии¹ – в данном случае как места трагедии и смерти, приобретающие вторичные, имплицитные смыслы. В этом ракурсе в контексте сосуществования в одном месте нескольких символических пространств и взаимодействия различных дискурсов мы предлагаем подойти к анализу совершаемых здесь коммеморативных практик. Таким образом, мы обращаемся к выявлению присутствия в символическом пространстве мемориала различных конфессиональных дискурсов и прослеживаем модель или модели их взаимодействия. Мы рассматриваем оформление мемориального пространства как дискурсивную практику, позволяющую визуально и вербально маркировать присутствие различных конфессиональных дискурсов и обусловить паттерны поведения «паломников». В ходе нашего исследования мы также исходим из содержания отправляемых на территории мемориалов практик, учитываем бытующие нарративы и интерпретации участников.

Визуальные и вербальные способы репрезентации конфессиональных дискурсов

Как отмечалось выше, мемориал в стенах школы № 1 начал оформляться в первые же дни после трагедии. Обращаясь к его нынешнему убранству (июль 2015), отметим, что наряду с игрушками, школьными принадлежностями, посланиями в форме стихов, записок и граффити, бутылками с водой как неотъемлемым символом жажды и ее утоления в мемориал приносятся предметы, имеющие выраженную религиозную атрибутику.

• В центре спортивного зала стоит поклонный православный крест, выполненный из дерева, который окружают живые цветы и открытые бутылки, наполненные водой. Рядом с поклонным крестом по обе стороны установлены квадратные металлические поддоны-подсвечники с позолоченным распятием на передней стороне, они наполнены песком. По периметру всего спортзала, под развешанными портретами погибших, к стенам прикреплены узкие металлические поддоны-подсвечники, которые также наполнены песком. Они используются не только как подсвечни-

¹ *Foucault, M. Des espaces autres (conférence au Cercle d'études architecturales, 14 mars 1967) / M. Foucault // Architecture, Mouvement, Continuïté. – 1984. – № 5. – P. 46–49.*

ки, но и как подставки для разнообразных приношений, а также как «холст» для посланий посетителей.

• У стены напротив входа в спортивный зал, со стороны баскетбольного кольца на сгоревшем сейфе создан импровизированный алтарь. Здесь перемежаются бюст Девы Марии с младенцем, а также иконографические изображения Богородицы (Владимирская, Казанская, Семистрельная и др.), православные иконы (Спаситель, Великомученик Пантелеимон), фотография спортивного зала с установленным в нем после трагедии крестом, агитационная карточка с призывом к строительству Храма в Беслане, фигурки ангелов, траурные ленточки, детские игрушки¹. В августе 2014 г. здесь также появился некролог убитым в июне того же года израильским подросткам (Нафтали Френкель, Гиль-Ада Шаер и Эяля Ифрах)², что актуализирует риторику мученичества. Сама же стена, к которой примыкает сейф, исписана граффити («Скорбим Таджикистан / Узбекистан / Москва Помним»)³. Отметим, что на импровизированном алтаре помимо многочисленных икон Спасителя, Богородицы и прославленных святых находятся две небольшие ламинированные «иконки» воина Евгения Родионова, рядового пограничных войск РФ, погибшего в плену во время первой чеченской войны (1994–1996 гг.) и почитаемого «в народе» в качестве святого воина-мученика⁴.

• Иконы, изображения Христа, церковные календари, раскрытые на определенной странице с изображением святого, религиозная литература, а также буклеты и различные предметы, репрезентирующие отдельные религиозные объединения, встречаются по всему периметру спортзала, соседствуя с национально-военной (флаги государств и воинских подразделений) и корпоративной символикой (стяги спецподразделений, хоккейных и футбольных клубов). Во время нашего посещения спортзала в августе 2014 г. рядом с «Книгой памяти» (толстой тетрадкой в клетку на 96 листов) на Священном писании с брошю-

¹ Полевые материалы автора (ПМА) – результаты наблюдения и фиксации мемориалашколы № 1 и некрополя «Городангелов», август 2014 г.; К. П. Трофимова, А. Б. Юдкина. Приводится номер фотографии: фото_00035, 00039, 00041.

² ПМА фото_00036.

³ ПМА фото_00035.

⁴ ПМА фото_00041.

рой Свидетелей Иеговы соседствовала небольшая икона Святых царственных мучеников¹. Заметим, что семья последнего российского императора прославлена РПЦ как Святые царственные страстотерпцы в 2000 г., а в 1981 г. РПЦЗ причислила их к лику мучеников.

- В столовой, которая расположена в основном здании школы, цветами отмечены места гибели сотрудников ФСБ, а на уцелевших колоннах повешены мемориальные таблички. Здесь же на одной из изрешеченных пулями и осколками стен, висит рамка, обрамляющая – со слов респондентов – лик Христа, Богородицы или же св. Николая².

- Во дворе школы в 2010 году по инициативе местных жителей³ и поддержке РПЦ был заложен храм Новомучеников и исповедников российских, строительство которого продолжается и в настоящее время.

- Оформление некрополя также отмечено предметами, содержащими религиозные и конфессиональные коннотации. Помимо привносимых иконографических изображений (например, возле памятника бойцам спецназа ФСБ и сотрудникам МЧС), надмогильные плиты отмечаются распятиями. Связь с миром «иным», а также актуализация памяти о трагедии поддерживается и следующей практикой, которая возникла относительно недавно: по окончании школы выжившие ученики школы № 1 разделяют это событие со своими погибшими одноклассниками. В день последнего звонка они посещают кладбище и обвязывают надмогильные памятники праздничными выпускными ленточками.

Визуальные и вербальные способы выражения скорби, соучастия, или же демонстрации тех или иных взглядов (граффити, мемораты, фотографии и т. д.), обладая различными коннотациями, приобретают в различных контекстах разные значения. Посредством них обнаруживается символическое присутствие

¹ ПМА фото_00048.

² ПМА фото_00026; ПМА 2 – интервью автора (К. П. Трофимова, А. Б. Юдкина): мужчина, около 50 лет, сторож мемориала школы № 1, интервью – 24.09.2014 г., Беслан; мужчина, около 30 лет, интервью – 28.08.2014 г., Владикавказ.

³ Фонд по строительству храма в г. Беслан // beslan-hram.ru; Храм в честь Новомучеников и исповедников Российских, г. Беслан // blagos.ru 15.03.2015; ПМА 2 мужчина, около 30 лет, 28.08.2014 г., Владикавказ; женщина, около 40 лет, 25.08.2014, Владикавказ.

различных религиозных и, в частности, конфессиональных дискурсов. В то же время, несмотря на импровизированный характер мемориала, в течение времени происходит его формализация, в ходе которой намечается рисунок взаимоотношения между актуальными дискурсами. Так, мы можем проследить эксплицитное присутствие православной символики (которая, отметим, преобладает в оформлении мемориала и участвует в образовании ритуального пространства – вокруг поклонного креста, где, помимо других публичных практик, совершается божественная литургия). Визуально отмечено символическое присутствие неправославных христианских церквей, а также, прежде всего, на акциональном уровне, выявляются элементы так называемой «традиционной осетинской обрядности».

Несмотря на то, что среди погибших были те, чьи семьи на религиозном и шире – культурном – уровне определяют себя в качестве последователей ислама, мусульманский дискурс в пространстве мемориала представлен имплицитно, прежде всего, отсутствием символики и наличием редких апологетических надписей («Ислам не террор», «ИСЛАМ/ПРОКЛИНАЕТ/ТЕРРОР»¹). Сами надписи, предположительно, являются реакцией на те антиисламские настроения, которые были обусловлены конфессиональным самоопределением нападавших. Этим же можно объяснить то, что после трагедии наблюдались обращения в православие среди родственников и выживших заложников из мусульманских семей².

Практики и интерпретации

Мы полагаем, что публичные мемориалы являются territorialization памяти для определенных сообществ, например, для локального сообщества участников и свидетелей трагедии. Посетители мемориала могут участвовать в привнесении и легитимации в это пространство того или иного религиозного или внерелигиозного дискурса. Однако модели взаимодействия между этими дискурсами формируются скорее на уровне локального сообщества и апроприируются другими индивидами и группами, совершающими паломничество. Особенности этого процес-

¹ ПМА фото_00081.

² ПМА2: мужчина, около 40 лет, 28.08.2014, Владикавказ; мужчина, около 30 лет, 28.08.2014, Владикавказ; мужчина, около 60 лет, 22.08.2014, Владикавказ.

са отражаются в содержании отправляемых практик, их интерпретациях, а также ряде возникающих и бытующих нарративов. Кратко коснемся нескольких примеров. Мы уже отметили визуальное преобладание православной символики в мемориале. Поклонный крест, который создает символический центр мемориального пространства спортзала, а также центр ритуального пространства, впервые был установлен в 2006 году по инициативе одного из местных жителей, близкого родственника погибших детей. На данном этапе панихида по погибшим в стенах спортзала проводится ежегодно, а божественная литургия впервые была совершена в 2012 году. Вместе с тем, доминирование православного дискурса в процессе сакрализации пространства возникало постепенно и наталкивалось, согласно интерпретациям, на определенные преграды. Так, поклонный крест был несколько раз убран с того места, которое он сейчас занимает, что со стороны православного духовенства интерпретируется как реакция «язычества» на православное присутствие, в то время как отдельные респонденты объясняли подобные действия стремлением сохранить символический нейтралитет¹.

Это же стремление, согласно интерпретациям, лежало в основе проекта храма всех религий, который был инициирован рядом родственников погибших и положительно оценен отдельными религиозными деятелями². Данный проект давал возможность представителям различных конфессий (в том числе мусульманам) отправлять культовые действия, связанные с поминанием погибших в общем (но не едином) пространстве, непосредственно примыкающем к месту трагедии. Отказ от реализации этого проекта и последующее заложение храма Новомучеников и исповедников российских демонстрирует конечное доминирование конфессионального дискурса над развиваемым интерконфессиональным, что отражается и в некоторых интерпретациях данного процесса. («Православие победило, и мы оставили это»)³.

Само же возведение нового храма актуализирует религиозный мотив «воздаяния». Заметим, что до конца XIX в. на территории школы находился другой православный храм Святого Георгия

¹ ПМА2: женщина, около 40 лет, 25.08.2014, Владикавказ.

² ПМА2: мужчина, около 60 лет, 22.08.2014, Владикавказ; мужчина, около 40 лет, 28.08.2014, Владикавказ.

³ ПМА2: женщина, около 40 лет, 25.08.2014, Владикавказ.

Победоносца, полностью разрушенный в 1930-х гг., школа же была построена на территории бывшего церковного сада¹. Это обстоятельство лежит в формировании нарратива, который выстраивает между отдельными событиями (разрушение старого храма, сентябрьскую трагедию и постройку нового храма) причинно-следственные связи и стремится объяснить произошедший теракт, используя религиозную риторику воздаяния за греховные поступки (разрушение храма в советский период)².

ЛЕГЕНДАРНЫЙ СВЯЩЕННИК СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: ИСТОРИЯ АДАПТАЦИИ, ИННОВАЦИИ И НЕПОКОЛЕБИМОСТИ³

Л. Весик

Тарту, Эстония

В своей статье я рассмотрю, как изменялась позиция лютеранского священника в течение XX в., на примере жизни и работы легендарного лютеранского пастора Херберта Куурме (1911–2005). Цель статьи – рассмотреть возможности священника в период сложных социополитических перемен в дискурсе личности, власти и адаптации. Куурме жил и работал в городе Центральной Эстонии, известном своей историей, и помог передать и сформировать его менталитет.

Основные источники, имеющиеся в моем распоряжении: фольклористические интервью с Куурме⁴, написанные им книги⁵, материалы СМИ и воспоминания горожан.

Теоретические точки

Переход от одного культурного самосознания к другому – сложный и длительный процесс, при котором действуют различные факторы. Понять изменения в персональном и социальном

¹ ПМА. – Режим доступа: <http://beslan-hram.ru/index.php/pravoslavie-v-beslane/13-1902>. – Дата доступа: 22.06.2015.

² ПМА: женщины, около 40 лет, 23.08.2014, Беслан.

³ Статья связана с грантом IRG 22-5.

⁴ Статья связана с грантом IRG 22-5. Интервью с Куурме 1981, 2002–2004, Эстонский фольклорный архив; радио. Режим доступа: URL: <http://arhiiv.err.ee/vaata/kirikuelu-herbert-kuurme-100>.

⁵ *Kuurme, H.* 2001a. *Pildikesi Põltsamaaajaloost*. IPõltsamaa: Põltsamaa Linnavalitsus; *Kuurme, H.* 2001b. *Pildikesi Põltsamaaajaloost*. II. *Kirikuehitamine*. Põltsamaa: Põltsamaa Linnavalitsus.